КАРТИНЫ

РУССКАГО БЫТА ВЪ СТАРИНУ.

Изъ записокъ, Москва 1845 года.

Весело жили въ старину на Руси. Не понынѣшнему, не на показъ, а спросту, безъ роскоши, безъ щегольства, по силамъ. Теперь съ жалостью или съ насмѣшливой улыбкой смотрѣли бы на жизнь нашихъ отцевъ и дѣдовъ. Смѣйтесь, смѣйтесь себѣ, черезъ чуръ оевропившіеся сынки и дочьки, надъ вашими старичками и старушками; а мнѣ отрадно рисовать въ моемъ воображеньи ихъ фламандскія забавы на пути жизни тихой, скромной, возможно-блаженной.

Нарисую же, сколько позволитъ память, картины Русскаго въ старину быта. Что было лѣтъ за 30 за 40 — спишу съ природы, что было за 50, 60 лѣтъ и дальше — съ разсказовъ: «съ преданій старины глубокой.»

И худое и доброе представлю въ истинномъ свѣтѣ. Ни яркихъ красокъ, ни мрачныхъ тѣней не накину ни на то, ни на другое. Всегда *прошедшее* — урокъ *будущему*. Станемъ же искать въ быломъ, не пищи только все унижающему самолюбію, а наставленій къ умаленію человѣческой гордости. Люди — вездѣ люди. Всѣ времена обнаруживаютъ свое смѣшное и разумное, свое нелѣпое и прекрасное, свое дурное и хорошее.

I КАРТИНА.

Утро.

Дворецкій, дворникъ, ключница, нянька и дядьки — первые на ногахъ. Дворецкій идетъ толкать подъ бока не милосердо храпящихъ слугъ на войлокахъ, подъ тулупами, по гостинымъ и заламъ. Это все народъ молодой, новобраный и непьющій. Они быстро схватываютъ и убираютъ свои подвижныя постели подъ лѣсницы, на чердакъ и въ чуланы. Это будитъ спящихъ по чуланамъ и подъ лѣсницами стариковъ, которые служили и пили «мертвую чашу» еще при дѣдушкахъ и бабушкахъ настоящихъ господъ. Въ прихожей валяются по залавкамъ самые вѣрные и надежные сторожа — крѣпыши, переставшіе пить, или пьющіе только по праздникамъ и съ господскаго позволенья, отправясь со двора на цѣлый день. Отпроситься со двора — значило: баринъ ужь и не спрашивай уволеннаго двое сутокъ!... въ первые онъ пьетъ, во вторые опохмѣляется. — Буфетчикъ, 60 или подъ 70 лѣтъ, послышавъ движеніе около своей канурки, выходитъ съ помойною лаханью, переночевавшей у его изголовья. Вотъ началась уборка покоевъ; некрашенные полы вспрыскиваютъ водою и выметаютъ, ужь не пыль, а грязь истертыми и ощипанными щетками; а на женской половинѣ ту же грязь выпроваживаютъ вѣниками, побывавшими не одну субботу въ торговой банѣ и пощекотавшими, до хохота, на полкѣ, не одну спи-

ну дебѣлыхъ горничныхъ. Между тѣмъ дворникъ будитъ, въ свой чередъ, конюховъ и отпираетъ ворота; а ключница будитъ поваренка, чтобъ скорѣе поставилъ на огонь черный чайникъ, самоваръ еще не въ большомъ былъ употребленьи, и спѣшитъ за сливками и сухарями; а няньки и дядьки моютъ, чешутъ и одѣваютъ барскихъ дѣтокъ; а конюха работаютъ то метлой, то скребницей. Тутъ повалилъ народъ со всѣхъ сторонъ: кто съ вязанкой дровъ, кто съ вязанкой сѣна, кто съ ведромъ воды, кто съ припасами съѣстными. Вотъ старый баринъ и старая барыня изволили выйти изъ спальной въ диванную черезъ дѣвичью. Служанки, толстыя, свѣжія, краснощекія, кланяются, принимаютъ разныя приказанія и разбѣгаются — такъ, что дѣвичья — хоть шаромъ покати! тутъ ужь барыня звони и кричи себѣ, сколько угодно: дѣвка! дѣвка! что вы, оглохли-что ли? Афимья! Малашка! Катя! тфупропасть! ни одной!... Явилась Кузьминична, ключница. — Помилуй, мать моя, да куда онѣ, окаянныя, прости Господи! запропастились? кличу, кличу, недокличусь!... Матушка, сударыня! дозвольте мнѣ, глупой холопкѣ вашей, доложить: всѣ за дѣломъ пошли; Афишу сами изволили за мною послать; я побѣжала сюда, а ее оставила у погреба, постеречи; Катю встрѣтила идучи — Катюша! Катюша! куда-молъ катишь?... брить-ся-де, барину — за горячей водой. А ты-молъ, Малаша!... Кондратьича позвать: вижь, вчера шпан-

скія кудри въ песокъ разсыпались... Добро, добро! да гдѣже Дашка, Сашка, Машка?... Всѣ, матушка, за дѣломъ: та — изъ спальной-то... понесла вонъ... рукомойники, та — собачку проваживаетъ, та — мѣдный тазъ кирпичемъ чиститъ, та—бѣлье дѣтское просушиваетъ... всѣмъ, госпожа ты наша милостивая! всѣмъ вдоволь хлопотъ! вѣдь у насъ же не Богъ вѣсть что дѣвокъ-то!... А чтожь дворецкій не является? — сказалъ баринъ, прихлебывая изъ блюдечка, въ родѣ лахани, и переливая на блюдечко за каждымъ глоткомъ теплую, чуть-желтоватую водицу, въ родѣ зеленаго чая, изъ чашки, въ родѣ суповой миски. — Здѣсь! прогремѣлъ въ дверяхъ высокій, круглолицый, лысый и дородный дѣтина, за 40 лѣтъ, держась одною рукою за замокъ, держа другую смиренно на груди и расположивъ, въ знакъ почтенія, пять пальцевъ, въ пяти промежуткахъ застегнутыхъ на петли пуговицъ: *по квартерамъ* — тогдашнее, военное выраженіе... Что скажешь?... Все, сударь, благополучно. Только Афонька, пока еще вы почивали, опять нагрубилъ мадамѣ, а мусью-то и кулаки показалъ... Ахъ, онъ бестія! ахъ, онъ каналья! на конюшню его .. Что вы нахмурились, дорогой читатель! не судите по началу разсказа о концѣ: если вы такъ привыкните разбирать все, что изволите читать, то вы вовся ничего не одобрите; никакая хрія не устоитъ при вашихъ подкопахъ, никакое предложеніе въ самой кудрявой рѣчи не дойдетъ до заключенія — и такъ

терпѣнье, читатель?... А Филька проспался? спросилъ баринъ. Каится, что вчера не вернулся отъ кума во время — сказалъ управитель — а всего-то за три дома и пропадалъ... Знаемъ мы вашихъ кумовьевъ! сидѣлъ мошенникъ въ кабакѣ; а я выхожу изъ гостей, кричу: Филька! Филька! не тутъ-то было! чужіе люди посадили меня въ возокъ. Хорошо еще, что хоть шубу оставилъ въ прихожей... Виноватъ, дуракъ! кругомъ виноватъ — что и говорить! а.... смѣю доложить.., человѣкъ-то онъ — ражій! за что ни возьмись — на все гораздъ! а ужь усерденъ, усерденъ! да и то сказать — не льзя сказать, что бы ужь онъ былъ горькая пьяница... Какъ! не пьяница? да знаешь ли ты, пустая голова, пословицу: не тотъ воръ, кто крадетъ; а кто ворамъ потакаетъ. А ты еще вздумалъ вступаться за него—а!... Смѣю ли я вступаться за кого? господское слово—намъ законъ. А мнѣ, по глупости холопской моей, думалось, что онъ это... такъ... подъ-часъ... запоемъ... какъ бы болѣзнь какая... Въ солдаты его. Чтожь? вѣдь это бы не худо, любезный читатель! сколько шалуновъ военная служба, не только-что исправила, а даже возвысила, прославила и упрочила на благородномъ поприщѣ самоотверженія изъ безкорыстной любви къ отечеству?... Ну, пошелъ! молвилъ, нахмурясь баринъ. Управитель почтительно поклонился и вышелъ, приглаживая свой рѣдковолосый затылокъ. Баринъ остался очень доволенъ, что наконецъ

рѣшился, въ страхъ и назиданіе безчисленной дворнѣ, показать справедливую строгость надъ двумя изъ закоснѣлыхъ негодяевъ. Да вотъ бѣда: не пройдетъ получаса — Филька придетъ съ повинною; а повинную голову и мечь не сѣчетъ; за Аѳоньку повалятся въ ноги трясущійся всѣмъ тѣломъ отъ древности Федосѣичь — его отецъ, заслуженная, на костыляхъ, Парѳеновна, его мать, и бѣленькая, пригоженькая, въ слезахъ и въ трепетѣ Акуля — его четырнадцатилѣтняя сестра. И вотъ Филька опять будетъ пить мертвую чашу, а Аѳонька опять грубить встрѣчному и поперечному, по крайней мѣрѣ, до перваго рекрутскаго набора, если только до того времени не уйдутъ изъ лѣтъ, не уходятъ здоровье, или хоть не утратятъ переднихъ украшеній десенъ ... Сколько съ наборами, въ старину, бывало хлопотъ, побѣговъ, ловли, самоувѣчій!...

Плетется старая, престарая, самой старой барыни няня — и чебурахъ ей въ ноги. Что ты, Василиса Ѳоминична! что съ тобою, няня?... Согрѣшила, окаянная! попуталъ лукавый на старости!... Да, что такое? что случилось?... Охъ! мать ты моя родная! стыдно молвить, а грѣшно утаить... внучка-то моя... Варвара-то, негодная... отпросись у меня вечоръ въ гости — я дескать, бабушка, недалеко, вотъ черезъ пять что-ли-то дворовъ — свадьба-молъ, господа дѣвку выдаютъ за подьячаго — посмотрю только, какъ невѣсту пріодѣнутъ... поди себѣ... анъ и слѣдъ прос-

тылъ!... Какъ! затянула барыня—дома не ночевала?... за мужика ее... Вотъ и прекрасныя читательницы, особенно изъ барышенъ, сердито губки надули! да вы погодите гнѣваться: дѣло не такъ страшно кончится, какъ вы воображаете. А притомъ: мужъ, мужикъ, муженекъ, мужичекъ, мужчина, все это... да нѣтъ, о корнесловіи послѣ... Покорно благодарю! прошептала Василиса Ѳоминична — и поплелась къ себѣ на печку и думаетъ, распаривая свои высохшія косточки; заварила Варя кашу... что-то будетъ ко времени!... да, авось, ничего! а не то—не угадаешь—можетъ статься, и въ кормилицы возьмутъ: молодая-то барыня давно отдыхаетъ — чай, года съ полтора? не равенъ часъ! не узнаешь! Богъ милостивъ! и захрапѣла старуха въ сладкихъ мечтахъ о внучкѣ; а внучка-то вошла тишкомъ, сѣла подъ окошечко, «какъ ни въ чемъ не бывала» и пошла плести кружева, и ходятъ коклюшки взадъ и впередъ, и ставитъ тьмы темъ булавокъ рядами «какъ встрепанная»—и мурлычитъ себѣ въ полголоса пѣсеньку «какъ правая».

Вотъ входитъ въ диванную молодой баринъ, съ молодою барынею; за ними бѣгутъ дѣти, съ няньками и дядьками; а за ними выступаютъ мадамъ и мусье. Молодой баринъ и молодая барыня подошли къ ручкѣ стараго барина и старой барыни; внучатъ по-очередно подводятъ къ нимъ няньки и дядьки подъ благословеніе; дѣвчёнки, съ присѣданьями, мальчишки, съ расшар-

киваньями, лепечутъ: bon jour, grand papa! comment vous portez vous grand'maman!... мусье и мадамъ освѣдомляются о прошедшей ночи, о здоровьѣ, о морозѣ на дворѣ, хватаясь за носъ и уши, и съ ужасомъ разсказывая въ сотый разъ, какъ они у нихъ бѣлѣютъ на вѣтру зимою. — Тутъ старикъ — за Московскія вѣдомости, старуха — за чулокъ, сынокъ — за книгу, супруга его — за пяльцы, дѣти — кто за игрушки, кто за азбуку, кто за урокъ съ мадамой и мусье.

Такъ утро и пройдетъ, не суетно, не шумно, безгрѣшно, безпечально, до вожделѣннаго часа семейной трапезы, за которую всѣ, кромѣ эмигранта и эмигрантки, садятся съ крестомъ и молитвою. Послѣ обѣда вся семья, отъ мала до велика, подходитъ къ старшимъ поцѣловать ручку. Нынче этотъ православный обычай выводится: хозяевъ не благодарятъ за хлѣбъ—за соль, рѣдко кто перекрестится передъ столомъ, а ужь послѣ стола почти никто. Правда, было бы еще за что и благодарить. Конечно, въ старину гостепріимство неволило гостя: откушайте того, хлебните другого; оно и скучненько; да теперь другая бѣда, теперь, какъ будто не-хотя дадутъ вамъ мѣсто за столомъ, а ужь вѣрно не поподчуютъ васъ ни чѣмъ. За то, нынче какая непринужденность — скажутъ мнѣ: ѣшь, пьешь, говоришь — какъ кому угодно — не отягощая желудка и не связывая языка; а тогда, особенно семейные обѣды, чисто — монашеская трапеза; мол-

чанье прерывалось только возгласами къ дѣтямъ учителя или гувернантки: сидите прямо! не качайтесь! приберите ваши локти!... не спорю! нынче веселѣе, раздольнѣе, нынче и желудокъ и голова и сердце въ совокупной работѣ за обѣдомъ, нынче предлагаются и разрѣшаются многіе, очень важные, животрепещущіе вопросы — за столомъ и... и подъ столомъ; да недогадливыя наши бабушки не понимали ни краснорѣчивыхъ взглядовъ, ни разговорныхъ ногъ, только мадамы и мамзели — эмигрантки, злополучные выходцы къ намъ изъ Франціи, разумѣли этотъ языкъ глазъ и ногъ. Оттого дѣдушки были смышленѣе бабушекъ.

2 КАРТИНА.

Обѣдъ.

Въ домѣ почетнаго барина назначенъ обѣдъ, по случаю радостнаго дня рожденья пятидесятилѣтней подруги его. Наканунѣ, свечера , поваръ призванъ въ столовую на совѣщаніе.

Баринъ. Завтра у насъ гости.

Барыня. Надо постараться, чтобъ не стыдно было чужихъ людей.

Поваръ. Кажется, всегда у насъ всего вдоволь.

Барыня. Горячее: супъ и уха.

Баринъ. Именинный пирогъ — въ полтора аршина, подать съ одной стороны, а кулебяку съ другой.

Поваръ. На холодное что прикажете?

Баринъ. На холодное — погорячѣе говядину, въ перекладку съ ветчиной.

Барыня. Потомъ блюдо рыбы.

Баринъ. Ну, а соусы — обыкновенное дѣло: красный соусъ, бѣлый соусъ, пуддингъ подъ ромомъ. Послѣ жаркаго хлѣбенное. Знаешь, этакъ, покозыристѣе. Вотъ это, что къ верху топырится балдахиномъ, съ обливными бисквитами, съ миндальнымъ печеньемъ, марципанами, съ сахарными вычурами...

Поваръ. Знаемъ-съ! сердечки изъ леденца, лавровые вѣнки изъ миндаля, грибки шоколадные, вензеля барыни и барышенъ..,

Баринъ. Въ заключенье — бланманже и желе.

Барыня. Теперь, поди съ Богомъ!

Гастрономическое примѣчаніе: Въ извѣстныя времена года праздничный столъ измѣняется. — Такъ, на примѣръ, съ Рождества буженина изгоняетъ говядину вплоть до новаго года; на масляницѣ появляются блины; о постахъ и говорить нечего, кто ихъ не знаетъ; а на Святой недѣлѣ зеленые щи и зеленый соусъ, вмѣсто краснаго и бѣлаго, также неизбѣжны за обѣдомъ, какъ крашеныя яица, куличь и чёрно-сѣрая четверговая соль за завтракомъ.

Поваръ ушелъ. Господа легли почивать. На зарѣ они отправились къ заутрени, потомъ къ ранней обѣдни, потомъ отдохнули часокъ, другой, потомъ отслужили дома молебенъ съ водосвятіемъ и со слезами, въ полномъ смиреніи, отъ

чистаго сердца, благодаря Бога за всѣ Его милости къ недостойнымъ рабамъ и неключимымъ грѣшникамъ. Тутъ баринъ и барыня пріодѣлись по праздничному и сѣли другъ противъ друга въ гостиной на жесткомъ канапе, принимать поздравителей и подарки, за которые придется послѣ въ свой чередъ отдариваться. Вотъ скоро первый часъ. Столъ накрытъ, *покоемъ*, и установленъ зеркальными, серебряными и стальными плато, съ фонтанами и фарфоровыми куколками: маркизы съ собачками, китайцы съ зонтиками, пастушки съ посошками, пастушки съ овечками и барашками и т. д. Лѣтомъ скатерть должна быть усыпана цвѣтами: астры, васильки, желтыя шапки, ноготки, барская спѣсь и т. п. Люди умыты и причесаны. Долгополые сюртуки починены и почищены. Руки только не такъ бѣлы, какъ снѣгъ — всегда въ работѣ; а перчатокъ въ старину и господа не носили. Съѣзжаются гости. Онѣ не кивають головой кой-кому мимоходомъ, не отдѣлываются полупоклономъ отъ хозяйки и пожатіемъ руки отъ хозяина; каждый гость и каждая гостья кланяются или присѣдаютъ, при входѣ въ пріемную, на востокъ и западъ, на полдень и полночь; потомъ мужчины подходятъ къ ручкѣ хозяекъ и всѣхъ знакомыхъ барынь и барышень — и уносятъ сотни поцѣлуевъ на обѣихъ щекахъ; барыни и барышни, разцѣловавшись съ хозяйками и удостоивъ хозяина ручки, въ свой чередъ лобызаются между собою. Послѣ такихъ

трудовъ, хозяинъ приглашаетъ гостей, для подкрѣпленья силъ *пофриштикать*, или, какъ чаще говорилось тогда, *перекусить* до обѣда и *глотнуть* для возбужденія апетита. Крафины, штофы, бутылки, съ водками, настойками, запеканки и закуски — чего хочешь, того просишь! «ѣшь— не хочу!...» просто — роскошъ Лукулла! разница только въ томъ, что древніе обжоры возлежали съ своими амфорами за трапезой, а новѣйшіе лакомки на ногахъ одолѣваютъ хоть какой завтракъ.

Столовый дворецкій важно провозглашаетъ: «кушать поставлено.» Всѣ встрепенулись, засуетились и двинулись изъ гостиной длиннымъ польскимъ, по-парно, чинно, въ столовую. Тутъ мужчины отправились на одну сторону, а барыни и барышни на другую. Мѣста заняты по лѣтамъ, чинамъ и значенію. Домашней прислугѣ за всѣми не поспѣть, даромъ-что тогда не сдавали съ опорожненной тарелкой прибора, а все кушали, и сладкое и горькое, одною ложкою и вилкою, только ножи обтирая о корку хлѣба. Домашняя прислуга бѣгаетъ изъ буфета въ кухню, изъ кухни въ буфетъ, да обноситъ кругомъ стола кушанье и вино, всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ названій; а за спинами гостей стоятъ и зѣваютъ съ тарелками ихъ же собственные люди, прибывшіе за возками, санями и пошевнями. Хозяинъ и хозяйка радушно и упрямо — стоитъ Демьяновой ухи — угощаютъ всѣхъ и каждаго; а

музыка съ хоръ, или изъ угла заглушаетъ всѣ молительные *пожалуйте, покушайте!... покорно благодарю!... да отвѣдайте! .. мочи нѣтъ!... хоть немножечко.. пьютъ для друга, ѣдятъ для себя... такъ хлебните рябиновки .. еще не прикажете-ль?...* а музыка-то гремитъ — трещитъ — бурлитъ — и только стукотня стульевъ съ концемъ обѣда и шумъ возсоединенія разлученныхъ столомъ паръ, для обратнаго шествія въ пріемную, покрываютъ трескотню и пискотню домашнихъ скрипачей, барабанщиковъ и *духоборцевъ:* фаготъ, волторны и т. п.. Между тѣмъ въ гостиной передъ главнымъ канапе столъ усѣянъ лакомствами: варенья, смоква, шептала и т. д.

Одолѣвъ три трапезы, надо отдохнуть — и начались опять рукоприкладства, ланитолобзанья, шарканья и присѣданья, съ поговорками: «не худо теперь на боковую;» время къ Храповицкому»... (дядюшка-то мой въ пословицу оборотился)... «и сытъ и пьянъ»... пора гостямъ со двора!...» «Гость до обѣда соловей, а послѣ обѣда воробей.»

3 КАРТИНА.

Вечеръ.

Бьетъ 6 часовъ — домъ полонъ гостей. Не понынѣшнему. Нынче хозяинъ тремя часами позже освѣтитъ домъ, а ждетъ, ждетъ, на-силу къ полуночи дождется званыхъ... за то куда-какъ много избранныхъ!

Послѣ обычныхъ привѣтствій, чмоканій и поклоновъ, почетныя изъ не играющихъ, ни въ карты, ни въ лото, лицъ размѣстились, семейными въ рамкахъ портретами по стѣнкамъ, на канапе, софу, лодочки и кресла, побесѣловать, какъ слѣдуетъ степеннымъ особамъ, «о томъ, о семъ, а чаще ни о чемъ» — точь въ точь, какъ на теперечныхъ, у не-многихъ, безкартежныхъ, не плясовыхъ, умоохотныхъ вечерахъ, гдѣ записные говоруны, отъявленные остроумцы и неподдѣльно любезныя разговорщицы подъ-часъ изъ кожи и кожицы лѣзутъ вонъ, чтобъ завязать, поддержать, оживить разговоръ, который однакожь часто не клеится, прихрамываетъ, покачивается со стороны на сторону, словомъ: идетъ, какъ говорятъ Французы, à bâton rompu, de coq-à-l'âne, т. е. въ перекидку, въ перебой, перерывисто, изъ пустаго въ порожнее. Странно! отъ чего бы это такъ иногда случалось? посмотришь — кажется, собрались все люди умные, образованные, начитанные, готовые, во-что бы ни стало, выручить, вынести на плечахъ радушныхъ хозяевъ изъ скучныхъ хлопотъ гостепріимства, люди испытаннаго краснобайства, слѣдящіе за полетомъ просвѣщенія во всѣхъ журналахъ, газетахъ и листкахъ, знающіе положительно все, что говорилось и случилось во всѣхъ камерахъ и парламентахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и минеральныхъ водахъ, люди, такъ сказать, погруженные во всѣ современные вопросы, истины и *аформз-*

мы!... западные дикіе парадоксы — сказать бы, да боюсь!. . Приведу нѣсколько примѣровъ: 1 Россія, говорятъ, еще далеко отстала въ человѣколюбіи отъ благорастворенаго Запада, съ его пауперизмомъ и пролетаріатствомъ, съ его гильотинами и пустынно-тюремнымъ жительствомъ преступниковъ, изъ которыхъ рѣдко кто не сойдетъ съ ума отъ одиночества и бездѣлья, 2: нашъ Петръ Великій вовся непохожъ на малорослаго Наполеона, который очень справедливо поступилъ, уничтоживъ Венецію и Геную; а. . . . . Суворовъ — пусть онъ себѣ Генералиссимусъ и начальникъ иноземныхъ войскъ—выѣзжалъ только на штыкахъ, да, какъ отчаянный, на стѣны лезъ съ своими безотвѣтными дикарями: доказательство тому — Измаилъ, Очаковъ, Прага, Турткай и т. д. а въ сущности-то онъ какая-то воплощенная странность, какая-то загадка ходячая, и никогда не понять его ни Французу, ни Нѣмцу, ни Англичанину, ни Итальянцу, и при томъ этотъ хваленый Суворовъ былъ подъ Нови, какъ бельмо на глазу для непобѣдимой Франціи. 3: на Руси никогда не подумали зажечь пламенныхъ костровъ *инквизиціи* во славу Бога и въ знаменіе безкорыстной любви къ ближнему миролюбивой братіи; а между тѣмъ терпимость у насъ неразвита, — не такъ-какъ въ Римѣ, или хоть въ торговой Великобританіи; разсѣянные же повсюду на Руси Кирки и Синагоги, Костелы и Мечети доказываютъ только, что есть

у насъ упрямые народцы, которые явно продолжаютъ молиться по-своему, какая бы тутъ ни была господствующая вѣра. 4: Россія, Русь, Бѣлоруссія, Малороссія, Чермная Русь, Россіянинъ, Русъ, Россъ, Русскій, все это... будто не Русское, и всѣ слова эти — вымышленныя, или Нѣмецкія, искаженныя, и народа такого нигдѣ и никогда не существовало и, наконецъ, Словене или Славяне— (Я для того здѣсь *или* поставилъ, чтобъ меня въ журналахъ не бранили! *К. Шаховской* — производите ихъ хоть отъ *слова*, хоть отъ *славы*, вовся не были и не могли быть завоевателями, какъ люди простые и добрые, мирные и смирные, упросившіе Варягъ поцарствовать на такъ называемой Руси и угощавшіе столько разъ гостей незваныхъ—Татаръ, гостей непрошеныхъ— Ляховъ, гостей нежданыхъ — *двадесять языкъ* съ Корсиканцомъ; а такимъ образомъ: и такъ называемая Россія — (много-много, что собирательное слово) — эта, такъ называемая въ простонародіи Россія, какъ ужь сказано и доказано, ничего и никогда не завоевала — стоитъ только развернуть любую географическую карту, чтобы убѣдиться въ истинѣ этой современной истины. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ужь не Богъ вѣсть какая даль отъ любой колыбели этого не-воинственнаго государства, хоть отъ Новгорода, хоть отъ Кіева, хоть бы даже отъ Москвы, на примѣръ — до Камчатки и Американскихъ береговъ, до Арарата и Персіи, до Китайской границы и

Киргизскихъ степей? а ужь о Балтійскомъ, о Черномъ, о Бѣломъ, о Каспійскомъ моряхъ, о Дунаѣ или Прутѣ, о Царствѣ Польскомъ, о Княжествѣ Финляндскомъ и говорить нечего — это рукой подать, откуда ни двинься!... Да и что жь вправду за пространство ужь будто бы такое огромное подъ этой Россіей? всего-то какая нибудь девятая часть шара земнаго, съ лишечками, да кой-гдѣ прирѣзками по краямъ и угламъ безобразной и вовся неокругленной площади, правильнѣе сказать, степи: вѣдь ужь теперь доказано Нѣмцами, что Россія, вплоть до Урала и Кавказа, гладкая, ровная степь, которую должно раздѣлить: 1 на *безлѣсную*, что бы ни говорили народныя сказки объ Ильѣ-Муромцѣ, съ его лѣсами, о Бѣловѣжской пущѣ, о лѣшихъ въ Новгородскихъ, Тверскихъ, Ярославскихъ, Костромскихъ лѣсахъ, о звѣряхъ въ Литовскихъ, Минскихъ, Вологодскихъ, объ отщепенцахъ въ Брянскихъ и прочихъ подобныхъ рощахъ и зарослякъ; 2 на *безводную*, сколько-бъ ни вздувались лужи—Пейпусъ и прочія, такъ называемыя озера, и куда-бъ ни бѣжали Волга, Днѣпръ, Днѣстръ и подобные имъ ручьи, и 3 главнѣйше — на *безгорную*, какъ бы ни таращились себѣ Валдай, холмы Москвы, Бѣлоруссіи, Вологды, Бессарабіи, Четырдагъ, Лисавы, Богдоула и т. п. мелочи. А что до Варваровъ, разныхъ племенъ и названій, которые когда-то, впрочемъ гораздо позже всемірнаго потопа, разгуливая, за отсутствіемъ мамонтовъ въ Русской

или Славянской Скиѳіи, разбѣгались отъ моря до моря, отъ Карпатскихъ горъ и Дуная до Скандинавіи и Китая, отъ Эльбы, Везера и Вислы до Тмутараканя, отъ Дакіи до Каспія, Кавказа и Киргизовъ, и которые, или истреблены, или прогнаны, или усвоены и обрусѣны, или усвоены и невполнѣ еще обрусѣны, по краткости времени, такъ это все сдѣлалось очень просто: одни сами собою вымерли, какъ допотопные мамонты, другіе доброю волею ушли, какъ и знобкіе слоны, а прочіе, какъ захотѣли. такъ и остались на своихъ мѣстахъ — и живутъ себѣ припѣваючи, не дуя въ усъ, спустя рукава, на морозѣ и на зноѣ, кто въ какой полосѣ родился: «кто гдѣ родился, тотъ тамъ и пригодился.» Про Словенскіе же разливы на востокъ и западъ, про подвиги дружинъ и полковъ Олега, Игоря, Святослава, Св. Владиміра, Ярослава, Мономаха, Св. Александра Невскаго, Димитрія Донскаго и прочихъ и прочихъ, про страхи Византіи со временъ Юстиніана и слѣпаго Велизарія, которому, какъ увѣрялъ любезный и добродушный Мерзляковъ:

Малютка, шлемъ нося, просилъ,
Для Бога, пищи лишь дневныя...

и къ которому, также слѣпой и несчастный Жилинъ привлекалъ своимъ заунывнымъ пѣніемъ всѣ чувствительныя до-Наполеоновскаго времени сердца; наконецъ, про разселенія Славянскихъ народовъ отъ Балтики до Адріатики, отъ Эльбы до Морен и Азіи, про дань, изъ-стари платимую

Руси Ливоніей и Эстоніей, про Литовскій Статутъ, сочиненный, послѣ Русской Правды, на древле Русскомъ языкѣ, про древніе Русскіе города въ при-Балтійской сторонѣ, про церкви въ ней и Финляндіи, православныя искони, про все это и многое другое, подобное и не подобное передано, то Греками лгунами, то Скандинавами хвастунами, то Нѣмцами мечтателями. Однимъ словомъ: сообразя хорошенько лѣтописи, саги, хронографы, дѣписанія съ преданіями, т. е. сказками, пѣснями, пословицами, поговорками, на каждомъ шагу увидишь, что наши жалкіе праотцы — въ качествѣ Славянъ.... вовся не славны воинскими дѣлами; въ качествѣ же Словенъ.... слова путнаго не сказали!!

И такъ: Русь — чистый миѳъ; а Карамзинъ — смышленый бахарь, сказочникъ, балагуръ, не хуже Шлецера, Миллера, Хилкова, Щербатова, Болтина, Татищева, Елагина и подобныхъ этимъ краснобаевъ-разскащиковъ!!

Крутые лбы, горбатые носы и навислыя губы — искони признакъ ума-разума. Отчего-жь эти лбы, эти носы, эти губы сидятъ около стѣнокъ, нахмуря лобъ, повѣся носъ, надувши губы? Видно у нихъ зашелъ умъ-за-разумъ?... И ништо имъ! не сиди сложа руки, не цыгань играющихъ въ карты, которые преспокойно-себѣ

размѣстились за ломберными столиками. Маріажъ, ламушъ, бостонъ, ломберъ, три и три, тентере, пикетъ, а иногда и трикъ-тракъ, и шахматы и по-просту шашки пріятно разнообразятъ занятія старушекъ и старичковъ. Въ боскетѣ или диванной охотники до науки о числахъ слѣпятъ себѣ глаза за лото и три часа къ ряду, при протяжномъ напѣвѣ знаменательныхъ чиселъ, безпрерывно вскрикиваютъ, въ нѣсколько голосовъ: амбо! терно, кватерно! выигралъ! выиграла! Въ залахъ молодежъ играетъ въ затѣйливые фанты: охъ болитъ! что болитъ? сердце!... отгадай — не скажу!... Потомъ въ жмурки, потомъ въ веревочку, потомъ въ булавочку, наконецъ въ кошку и мышку.

Между тѣмъ въ отдаленномъ кабинетѣ, куда ускользаютъ изъ залы черезъ коридоръ только жрецы и жертвы фортуны, протянутъ длинный рядъ сплоченныхъ столовъ. Посреди заботливо тасуетъ карты банкомётъ; по-обѣ руки и противъ него расположились его товарищи для зоркаго наблюденія за срывальщиками, чтобъ не сказать сорванцами, за понтёрами; кругомъ небрежно ломаютъ колоды ополчившіеся на царя Фараона витязи. Кипы ассигнацій, кучки золота и груды серебра на столѣ. Игра начинается, углы загибаются, мелки рисуютъ роковыя числа по зеленому сукну, бумажки летаютъ изъ рукъ

въ руки, червонцы и цѣлковые бѣгаютъ взадъ и впередъ по столу, счастливыя карты въ безпрестанной работѣ, несчастливыя сыплются подъ столы, кто на выдержку, кто на рутэ, кто на угадъ; тотъ пароле, тотъ кѣнзелево, тотъ на пэ, тотъ отписалъ, тотъ мазу; тамъ соника, тутъ пліе, тотъ зашибъ, тотъ прошибся; сердца бьются, лица блѣднѣютъ, глаза горятъ, руки дрожатъ, губы судорогами подергиваетъ, брови хмурятся, ноздри раздуваются... и жаръ и холодъ, и говоръ и мертвая тишина!...

Въ дѣвичьей также кипитъ игра: въ дурачки, въ фофаны, въ любопытную, въ навалку. Горничныя забавляютъ дѣтокъ барскихъ картами. Въ лакейской потѣшаются по-носкамъ и въ горку. Только самые степенные изъ домашней прислуги не участвуютъ въ забавѣ гостей — скороходовъ, гайдуковъ и араповъ. Эти, разумѣется, люди пожилые, удалясь въ чуланчики, вяжутъ чулки, портняжничаютъ, или постукиваютъ молоткомъ по гвоздямъ и подошвамъ, пришиваемымъ къ новымъ головкамъ старыхъ голенищъ, или тихонько распоряжаются шиломъ, обсоюзивая протертые передки, или отдираютъ изношенныя подметки отъ сапоговъ, отданныхъ въ перетяжку. Въ будни всѣ эти работы производятся явно, на всей красотѣ, въ прихожей, на крыльцѣ, а когда господа въ гостяхъ, такъ и въ офиціанской.

Вотъ ужь фанты разыграны и выкуплены десятками поцѣлуевъ, то съ хохотомъ, то съ опу-

щенными глазками, съ румянцемъ стыдливости, и будто не хотя, и будто равнодушно, а иногда такъ съ біеніемъ сердца и съ тайнымъ пожатіемъ руки. А длинные ряды тѣней: блѣдныхъ, красныхъ, желтыхъ, черныхъ, зеленыхъ — приросли къ роковымъ столамъ губительнаго банка!..

Вотъ ломберъ и бостонъ, ламушъ и марьяжъ, пикетъ и тентере, три-и-три и трикъ-тракъ кончены; шахматы и шашки оставлены; училище ариѳметики — лото, закрыто; и бесѣда неиграющихъ оживлена разсказами пришельцевъ о странныхъ и рѣдкихъ играхъ, о побѣдахъ и пораженьяхъ, объ игрецкихъ тонкостяхъ и прорухахъ, о пикахъ и репикахъ, о шлемахъ и капотахъ, о доведяхъ и шахахъ, о двухъ квинтахъ у одного игрока и т. п. А длинные ряды тѣней: блѣдныхъ, красныхъ, желтыхъ, черныхъ, зеленыхъ— приросли къ роковымъ столамъ губительнаго банка.

Вотъ и ужинъ готовъ, и ужинъ конченъ и гости разъѣхались, и хозяйки отправились на покой, и хозяинъ захрапѣлъ въ углу.... а страшныя тѣни всѣхъ цвѣтовъ—прикованы къ доскамъ нескончаемой пытки!...

Прошла ночь, прошло утро; а они—банкометы и понтеры.... нѣтъ! ужасна эта картина; оставлю ее недописанною....

4 КАРТИНА.

Балъ.

Въ-старину и на балы сбирались, какъ на простые вечера: въ 6 часовъ двѣ плошки ужь теплятся у крыльца, продувной фонарь озаряетъ дорогу отъ воротъ къ дому, на лѣстницѣ, по стѣнкамъ, горятъ, или, правильнѣе сказать, таютъ сальные огарки, въ прихожей цѣльная свѣча перемѣстилась изъ будничной бутылки, съ разбитымъ горлышкомъ, въ жестяной подсвѣчникъ, въ пріемныхъ покояхъ стеклянныя, на проволокахъ, подвѣски блестятъ отъ огня дрожащихъ и оплывающихъ въ люстрахъ свѣчей-аплике (сало, налитое въ восковой чехолъ), жирандоли ярко отражаются въ покрывающихъ простѣнки зеркалахъ, а на окнахъ маканыя, (сальныя, толстофитильныя), свѣчи воткнуты въ деревянные, некрашеные треугольники, съ тремя жестяными горлышками по концамъ и на верхнемъ углу.

Открывается балъ. «Длинный польской» потянулся извивистой змѣей по всѣмъ горницамъ. Степенные старички и почтенныя старушки, спутницы ихъ въ этой чинной прогулкѣ, выкидываютъ разныя продѣлки: то щеголевато кланяясь и присѣдая, то миловидно изгибаясь и повертываясь, то важно скользя и пошаркивая, то замысловато покачиваясь и прискакивая на одну ножку. Вотъ начинается отбой: непопавшіе въ польской мужчины, одинъ, за другимъ, оста-

навливаютъ первую пару и хлопнувъ въ ладоши отбиваютъ даму; кавалеры отвоеванныхъ дамъ достаются слѣдующимъ, переходя отъ одной къ другой; а кавалеръ послѣдней пары остается въ одиночествѣ. Иной стоически переноситъ остракизмъ и отправляется въ боскетъ или къ одному изъ картежныхъ столовъ, отдохнуть отъ своего подвига; а иной, преслѣдуемый обидными со всѣхъ сторонъ словами: усталъ! въ отставку! на покой! отчаянно бѣжитъ къ первой парѣ и отбиваетъ даму. Смѣхъ, толкотня, недосказанныя рѣчи, недослушанные отвѣты, жданыя-нежданныя встрѣчи, извиненья, шутки, прибаутки весело кончаютъ длинный польской, къ общему удовольствію.

Я не засталъ ни бархатныхъ, или атласныхъ кафтановъ, ни раздувавшихся парусами фижмъ, ни знаменательныхъ мушекъ, ни даже бѣлилъ, румянъ и сурмилъ, которыя, впрочемъ, опять стали появляться на Руси, къ преждевременной старости кожи, къ ущербу зубовъ и къ превращенію волосъ въ войлокъ. Я говорю, однако, слышанное отъ зоркихъ людей; а самъ этого не видалъ—я близорукъ и никакъ не умѣю отличить бѣлизны отъ бѣлилъ, румянца отъ румянъ, крашеныхъ бакенбардъ отъ природно-черной опушки лица, ни поддѣльной округлости и полноты отъ неискуственной прелести стройнаго стана; словомъ: я ничего не вижу, не замѣчаю—я женатъ и мнѣ въ будущемъ 1846 году стукнетъ 50 лѣтъ.

Вообще же я имѣю больше довѣрія къ смуглымъ, блѣднымъ, сѣдымъ и худощавымъ—тутъ не боишься обмана; а ужь черезъ чуръ бѣлыя, румяныя и какъ въ черную рамку вставленныя лица—какъ-то.... однако-жь, что мнѣ до нихъ за дѣло? я, вѣдь, не Балтазаръ Балтазаровичь Баронъ фонъ-Штольнъ-Шихтъ-Шплейзафенъ и Оберъ-бергъ-гауптманъ, котораго за длинно-не Русское названіе въ одномъ городкѣ когда-то унтеръ-офицеръ не пустилъ было въ заставу, смекая, что онъ насмѣхъ выдумалъ такую тарабарщину, что-бъ сбить унтерскій постъ съ толку, и который, Балтазаръ Балтазаровичь, Баронъ фонъ-Штольнъ-Шихтъ-Шплейзафенъ и Оберъ-бергъ-гауптманъ, ненавидя контрабанды и разговаривая однажды въ театрѣ съ извѣстнымъ щеголемъ временъ Александра, гласно доказывалъ ему, будто бы онъ, щеголь, весь, съ ногъ до головы, воплощенная контробанда: и цвѣтъ лица, и цвѣтъ волосъ, и полнота икръ и высота груди, и круглота рукъ, все это ходячая контрабанда.

Не говорю о станѣ, статности и статяхъ дѣйствующихъ лицъ на балѣ. Это всегда зависитъ, болѣе или менѣе, отъ покроя одежды, отъ выше или ниже поднятаго, или опущеннаго пояса, отъ узкой или широкой посадки платья на плечахъ, груди и спинѣ, отъ присутствія или отсутствія крахмала, при чемъ одна и та-же красавица обращается то въ гору, то въ дудку. Но не льзя пройти молчаніемъ ручки и ножки нашихъ дѣду-

шекъ и бабушекъ. Руки обыкновенно выгибались дугообразно, поднимались, съ особенною важностію, опускались тихо, мѣрно и никогда не висѣли плетью, а всегда держались полукружіемъ, въ родѣ не натянутаго тетивою лука. Что до ногъ: онѣ такъ были вывернуты, что, при первой постановкѣ танцующихъ, пятки казались сросшимися близнецами. Не понимаю, какъ такія ноги ходили, танцовали, даже бѣгали и прыгали, да еще на превысокихъ каблукахъ! Мнѣ кажется, что и теперь еще, по носкамъ башмаковъ или сапоговъ, можно распознать учившихся классически и самоучекъ — романтиковъ: если носки глядятъ въ противоположныя стороны, на лѣво и на право, а пятки цѣлуются—эти ноги были въ рукахъ, по-крайней-мѣрѣ, Ламираля, Морелли или Саломони; если же носки помахиваютъ на ходу прямо подъ носомъ, или, непримѣтно, чуть-чуть уклоняются вправо и влѣво — эти ноги моложе даже Іогеля, который по-сю-пору выправляетъ и руководитъ, конечно, четвертое, если не пятое, плясуновъ и плясавицъ, поколѣніе—и колѣна, вовся не сгибающіяся, или до того сгибающіяся на ходу, что пятки, ни-вѣсть куда попадаютъ.... эти колѣна ужь самыхъ отчаянныхъ *нео-ходоковъ:* первыя—чистые *океидантамы,* школы братства не сгибающагося и только личности своей поклоняющагося (гегелисты, прогресисты, гуманисты и т. д.); вторыя—природные *Словенофилы*, школы трепаковъ, (надо видѣть ихъ кама-

ринскаго мужичка, трепака, голубца, казачка, и т. д.).

Но оставимъ политико-философо-ученыя изслѣдованія о значеніи народной пляски и походки въ психологическомъ отношеніи. Постараюсь лучше вспомнить нѣкоторыя отличительныя черты щегольства, совершенно измѣнившагося уже послѣ нашествія на Россію Запада съ Наполеономъ. Начну съ головы. Прически, наколки и гребни постоянно приближали женскія головки къ небу. Мужскія головы, также къ верху съ невыразимо взбитыми волосами, безпрестанно напоминали о вѣчныхъ снѣгахъ

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ снѣжныхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ,
Гдѣ мразы вѣчный сводъ кристальный основали,
Гдѣ.... и т. д. *Херасковъ*.

По-просту сказать, бѣлая пудра летѣла съ головы, по вѣтру и противъ вѣтра, во всѣ стороны и щедро осыпала и друзей и не-друговъ.

Шеи мужскія всегда были украшены бѣлою кисеею, а грудь манижкою, съ батистовыми брыжами въ мельчайшихъ складкахъ. Женщины показывали только шейки, горлышко и чуть-чуть изъ-подъ душки верхнюю часть груди—косточки, (дѣвушки ни чего не показывали); а ужь ни пуховой спинки à la venus, ни крылообразныхъ лопатокъ à la papillon, ни волнуемыхъ любовью, или вальсомъ прелестей, à la nourrice, въ тѣ патріархальныя времена ни видомъ не видано,

ни слухомъ не слыхано!... Говорятъ будто бы наши бабушки и прабабушки рѣже занемогали простудою, любовію, спазмами, завистью, хандрой и нервной слабостью, чѣмъ наши сестрицы и кузины.... А отчего бы ихъ ручки — единственный образчикъ, или, правильнѣе сказать, казовый конецъ женской красоты, надъ которымъ только и возможны были наблюденія — отъ кисти до локотка — большею частью бывали красно-багроваго цвѣта? не ужь-то же это признакъ чистоты, невинности и мира душевнаго?... да, кажется, такъ: безмятежное и непорочное сердце не откидываетъ кровь то въ лице, то въ голову, то въ разныя полости, отъ чего и шумъ въ ушахъ, и краска въ носу, и блѣдныя губы, и стѣсненіе въ груди, и перемѣшанная со вздохами зѣвота; кровь преспокойно течетъ себѣ, куда и какъ слѣдуетъ, обтекаетъ и орошаетъ всѣ части разумно и правильно, ни на какую безъ пути и безъ толку не напретъ, ни какой и не заморитъ медленностью или застоемъ; а оконечности-то между тѣмъ не блѣднѣютъ и ноготки на пальчикахъ такъ и глядятъ румяными корольками — рѣшено: красныя ручки—вывѣска добродѣтели, безмятежности и чистоты.

И такъ мое почтеніе, почтеннѣйшія бабушки! не хочу и времени тратить надъ описаніемъ вашихъ нарядовъ, да и стоитъ ли труда говорить о нарядѣ куклы? а вы—извините мою откровенность—вы, по нынѣшнему, именно—куклы: вы,

если и случалось вамъ подъ часъ помечтать смолоду, такъ это были мечты, все какія-то тихія, безгрѣшныя, о суженомъ, о ряженомъ; а чуть пошлетъ вамъ Богъ желаннаго супруга, по сердцу и благословенію родителей, а вовся не по вашему выбору, вы и забросите дѣвичьи и дѣвственныя мечты за печку, да только ужь и знаете, что вязать сожителямъ своимъ колпаки и нагрѣвать на изразцевой лежанкѣ ночное бѣлье, дѣтскіе свивальники и пеленки. Вы если и читали иногда романы, такъ васъ плѣняла Памелла—награжденная добродѣтель; а тревожилъ Ринальдо Ринальдини—просто разбойникъ; верхъ же упоительной чувствительности для вашего невиннаго воображенія, это — письма Терезы и Фальдони, которыя—кто бы подумалъ—перевелъ съ Французскаго на Русскій угрюмый Профессоръ М. Т. Каченовскій. Вы понятія не имѣли объ изящности и изяществѣ не-человѣческихъ страстей, о буряхъ сердца восторженнаго, о проклятіяхъ, отравленіяхъ, убійствахъ, самоубійствахъ, о невинныхъ, благородныхъ, силою обстоятельствъ оправдываемыхъ кражахъ и зажигательствахъ, о невыразимыхъ наслажденіяхъ: страдать любовью преступною, непобѣдимою, роковою, изступленною и быть *непонятой* любовью законною, наконецъ, о блаженствѣ: встрѣтить какого нибудь Антоніо, безъ рода, безъ племени, безъ званья, безъ имени, безъ чести, безъ совѣсти—и для него забыть и мужа и дѣтей, и отца и мать, и вѣру и ро-

дину.... да, добрыя бабушки! вы не постигали, въ своей дѣтской простотѣ, сколько во всемъ этомъ великаго, высокаго, прекраснаго, безкорыстнаго, западнаго! сколько нужно на это просвѣщенія, твердости, мужества, однимъ словомъ, силы духа, (libre arbitre) — своеволія разума!... Цѣлую ваши, дуго-радуго образныя, ручки, мои, неповинныя бабушки! и бѣгу отъ васъ къ вывернутымъ на изнанку ножкамъ дѣдушекъ. Ножки ихъ и... какъ бы сказать... и сытная часть туловища отличались щегольскимъ нарядомъ: плисовое или саржевое полуплатьице, почти дѣтское, едва застегивалось четырестороннимъ бантомъ и чуть держалось на свободно перекинутыхъ черезъ плечи помочахъ; не очень тонкое бѣлье выбивалось между поясомъ этого платьеца и камзоломъ, съ карманами; въ карманахъ звонили и били съ репетиціею, чуть не съ будильниками, тяжелыя, луковицею, часы; ключики и нѣсколько сердоликовыхъ, полновѣсныхъ печатокъ болтались, по обѣ стороны камзола, на длинныхъ цѣпочкахъ; а саржа, между тѣмъ, къ низу широко разбѣгалась и падала разнообразными складками до колѣнъ, подъ которыми, надъ икрами, останавливались побѣги стразовыми пряжками; огромные башмаки также стягивались блестящими стразами; а стрѣлки по шелковымъ чулкамъ узорчато струились отъ ската икры до счиколотокъ.

Вотъ длинный польской превратился въ круглый, со всѣми затѣями, попарными ходами, вы-

ходами и обходами, большими и малыми кругами, крестами, цѣпью и т. д. Вотъ рисуется важно-плавно-скучно-безсмысленный *минаветъ*. Вотъ выстраивается въ два ряда экосезъ или англезъ. Потомъ начинаются кадрили, не нынѣшнія, Французскія, а простыя, препростыя кадрили съ вальсомъ, за ними — манимаска или краковьякъ, пергурдинъ или матрадура. Въ заключеніе—горлица или мятелица. Послѣ ужина—тампетъ или попури. Лѣтъ тридцать назадъ все это было поглощено безконечнымъ котильономъ, вѣтренымъ гросфатеромъ и стукотливой мазуркой. Теперь угрожаетъ всѣмъ, прежнимъ и новѣйшимъ танцамъ нашествіе полекъ: полекъ скачущихъ и кружащихся, полекъ покачивающихся и трясущихся, полекъ змѣей изгибающихся и со стороны на сторону кидающихся, полекъ.... да всѣхъ видовъ, ухватокъ и прелестей полекъ не уловить! кто бывалъ въ Польшѣ, тотъ по себѣ это знаетъ.

Правду сказать, что это за балы! попрыгали, поболтали, поужинали, разъѣхались—и захрапѣли! Какъ-таки никакихъ послѣдствій: ни сладкой безсонницы, ни волненья въ душѣ, ни замиранія сердца, ни тревожныхъ сновъ, ни тайныхъ свиданій, ни нѣжной переписки, ни сомнѣній, ни хитростей, ни ревности, ни обмановъ, ни толковъ и разсказовъ, ничего того, что въ наше золотое время бываетъ, не только послѣ большаго бала или стиснутаго раута, а даже послѣ маленькой

вечеринки—охъ! бабушки, бабушки ! скучно съ вами въ городѣ! переселюсь въ деревню.

Не даромъ говорятъ: Москва царство, а деревня рай.

5 КАРТИНА.

Деревня.

Очагъ! очагъ! родной очагъ!...
Изъ несочиненной пѣсни.

Хорошо въ деревнѣ: 1) Вольный воздухъ: обдуваетъ вѣтеръ кругомъ господскій домъ, посвистываетъ въ малѣйшія щелки, какъ панъ (разумѣется не Польскій панъ, а Греческій), въ свою семитростниковую свирѣль, бѣгаетъ по чердаку, надуваетъ парусами просушиваемое на веревкахъ бѣлье, выгоняетъ и загоняетъ голубей въ слуховыя окна и постукиваетъ, какъ домовой, печными вьюшками, притаясь въ трубѣ. 2) Привольная жизнь: отсутствіе снуровокъ и застежекъ, причесокъ и перчатокъ, широкіе халаты на мужчинахъ, просторныя платья на женщинахъ, чутьне праматерняя одежда на дѣтяхъ, грязь или пыль на ногахъ, небритыя бороды, лица загорѣлыя — о, природа! о, сельская простота! о, первобытные люди! о! о! о!... 3) Пріятное однообразіе: безгрѣшная скука, непорочная сонливость, неразорительная обжорливость, отдыхъ пытливому уму, покой тревожному сердцу.

Здорово въ деревнѣ: встаютъ рано, кушаютъ рано, ложатся спать рано. Солнечные часы, деревен-

ская скотина и хозяйскій желудокъ почти всегда въ согласіи, всегда, взаимно, другъ-дружку повѣряютъ и всегда, при нѣкоторой разности — выгона съ дворовъ или загона съ пастьбища въ деревню стада съ указаніемъ часовой стрѣлки — оказывается, что желудки поставлены вѣрно и скотина исправна, а вретъ только солнце. Въ самомъ дѣлѣ: что можетъ быть питательнѣе и успокоительнѣе, какъ восемь разъ покушать и три раза въ сутки соснуть, и все въ одни и тѣже часы? — пробужденіе отъ сна сопровождается коротенькой молитвой, въ простотѣ сердецъ, и упоительнымъ чаемъ, со всѣми принадлежностями. Потомъ занятія по хозяйству, чтеніе, рукодѣлья, музыка. Послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ завтракъ. Послѣ завтрака—краткое отдохновеніе, съ недочитанной книгой, дремота, полузабвеніе, полусонъ. Передъ обѣдомъ — закуска. Послѣ обѣда — двучасовой сонъ, для сваренія желудка. Тутъ—кофей и лакомство. Позже — чай и полдникъ. Наконецъ ужинъ и положительный сонъ, т. е. и баринъ и барыня, перекрестя дѣтокъ, отправляются, совокупно, въ опочивальню, тогда-какъ послѣ обѣденное отдохновеніе стараго барина обыкновенно бываетъ одиночное, въ отдаленной горницѣ, выгаданной на чердакѣ, подальше отъ шума и мухъ, отъ солнца и духоты, гдѣ проволочныя, въ открытомъ венеціанскомъ окнѣ, сѣтки, пропуская вѣтерокъ, не впускаютъ комаровъ, а суконныя вставки ограждаютъ свѣтлицу отъ излишняго свѣта.

По предчувствію, еще мало извѣстнаго у насъ въ старину, животнаго магнитизма, для усыпленія барина, по очереди, наряжалась одна изъ горничныхъ щекотать барскую головку и поглаживать барскія ножки, при нашептываніи, когда сказокъ, когда домашнихъ сплетней, что вполнѣ замѣняло дворовую и сельскую полицію: послѣ жирнаго обѣда, у стараго барина кровь въ голову поднимается и ноги холодѣютъ; а освѣжась, при пособіи ного-глаженія и волосоиграніа, благотворнымъ сномъ, онъ выходитъ на балконъ съ бѣлымъ лицемъ, излишняя краска опустилась къ пальцамъ разогрѣтыхъ ногъ, глаза свѣтлѣе и спокойнѣе... Это — *отданіе* (реакція) магнитизма: le fluide magnetique, т. е. магнитическій токъ. Это дивное дѣйствіе непостижимой силы, и усыпляющей и возстановляющей, рукой или взоромъ убаюкавающаго, тѣло и части убаюкиваемаго, этотъ fluide, это теченіе или токъ, эта сила, установляя полное согласіе, созвучность, равновѣсіе, сочувствіе въ дѣйствительномъ и страдательномъ лицахъ, это непосредственное вліяніе одного, это самовластіе другаго, этотъ... эта... это— однимъ словомъ: прочтите хоть только съ три сотни книгъ, тетрадокъ, статеекъ, современныхъ изданій о магнитизмѣ — кстати и о мисцитизмѣ — и повѣрьте, на первый разъ, хоть видѣнья Преворскія съ мечтаніями Сведенборгскими — и вы убѣдитесь, что, въ извѣстныхъ случаяхъ, положеніяхъ, обстоятельствахъ, отношеніяхъ, при

извѣстномъ состояніи духа, при нѣкоторомъ раздраженіи или ослабленіи нервъ, при созвучности на одинъ ладъ настроенныхъ душъ, и проч. и т. д. и т. п... и — вы легко убѣдитесь въ томъ, что я хотѣлъ объяснить вамъ одну изъ основныхъ истинъ психологіи, физіологіи, кранологіи, миѳологіи, даже демонологіи, — прочтите, прочтите только, что говорятъ ученые люди о магнитизмѣ въ Египтѣ, въ Индіи, въ Парижѣ — и вы согласитесь, что, сравнительно, я вамъ еще ничего не сказалъ, какъ ничего же не скажутъ и всѣ груды книгъ отъ Месмера до Делёза. А — шутки въ сторону — необъяснимое явленіе — магнетизмъ! въ моихъ понятіяхъ это-обоюдо-острый мечь, это-сложная стихія добра и зла, это — оружіе и чистыхъ побужденій сердца и внушеній князя тьмы, это — одна изъ тѣхъ тайнъ, которымъ разгадка положена за гробовой доской.

Весело въ деревнѣ: хлопоты и совѣщанія, по управленію имѣніемъ и домомъ, съ прикащикомъ, старостой, ключницей, поваромъ и прочими должностными лицами прекраснаго и не краснаго пола, происходятъ въ два пріема: утромъ, между чаемъ и завтракомъ, и вечеромъ, между чаемъ и ужиномъ. Все прочее, досужное отъ сна и ѣды, время идетъ, какъ по маслу. Баринъ поглядываетъ на хозяйственныя постройки, на разсадку липъ или березъ въ разбиваемомъ саду, по англійскому вкусу, на стрижку елей и сосенъ, словно рекрутовъ подъ гребенку, въ старинномъ

саду, съ прямыми, на-крестъ дорогами, съ темными аллеями, съ куртинами, шпалерами, сухими канавками, подъемными мостиками, деревянными солдатиками и разными затѣями, сюрпризами, Китайскими бесѣдками, оранжереями; покушавъ, мимоходомъ, вишень и поглазѣвъ на поливку кадокъ съ персиками и абрикосами, баринъ отправляется полюбоваться на рытье пруда, по чьему-то указанію, какъ вздумалось, гдѣ ни попало, безъ всякихъ ученыхъ выкладокъ, измѣреній и соображеній о качествѣ земли, о положеніи мѣста, объ отношеніи поверхности почвы къ лону ближней рѣчки или ручья, которыя обязаны наполнить тинистый прудъ—хоть-себѣ высохни со всѣми своими ключами и родниками. За то въ немъ будутъ водиться караси и—лягушки, которыхъ пѣніе, сравнительно съ напѣвами многихъ изъ прочихъ сельскихъ музыкантовъ, не на много и хуже: ну что, напримѣръ, хорошаго въ пѣсняхъ стрекозы и жука, галки и вороны, грязной хавроньи и бѣлаго лебедя, наконецъ самого красиваго павлина и забіяки индѣйскаго пѣтуха?... Барыня занимается — все въ свое время — наблюденіемъ за сушеньемъ бѣлыхъ грибовъ, земляники и листьевъ черной смородины, за соленьемъ груздей или рыжаковъ, за моченьемъ грушъ и брусники, за настойкою рябиновки, за снятіемъ пѣнокъ съ варенья сахарнаго для угощенья дѣтей, за приготовленіемъ медовыхъ ягодниковъ и т. д. И на днѣ всѣхъ этихъ заботъ лежитъ,

не одно гостепріимство, а и попеченіе о здравіи и благоденствіи дома: тутъ многое пойдетъ въ войну съ золотухой, простудой и разстройствами желудковъ. Вотъ деревенскія бабы принесли холстину и нитки; а мужички крестьянское сукно; а скотники овчины и кожи съ палой скотины. Выдается приказъ домашнимъ портнымъ, швеямъ и сапожникамъ обшить дворню... Барышни, то читаютъ Малерба: La mort a des rigueurs à nul autre pareilles—и ужасаются! то, всхлипывая, повторяютъ его же стишки:

Et, rose, elle a vecu ce que vivent les roses—
L'espace d'un matin! ..

То заучиваютъ наизусть идиллiи Дезульеръ—и плѣняются каждой овечкой, каждымъ барашкомъ, слушая музыкальное блѣяніе; то задумываются надъ глубокимъ смысломъ Французскихъ проповѣдей и похвальныхъ словъ, часто вовся непохвальнымъ особамъ; то, поскучавъ съ Телемакомъ и Нумою Помпиліемъ, заглядываютъ урывками и тайкомъ въ романы Дюкредюменіль, Жанлисъ и Радклифъ; то переписываютъ въ завѣтныя тетрадки нѣжнѣйшіе изъ нѣжныхъ стиховъ Сумарокова, погружаясь въ бездну чувствъ и чувствительности современныхъ чувствователей и мыслителей, перенося въ туже завѣтную тетрадь счастливое выраженіе въ прозѣ и пламенныя строчки новыхъ стихотворцевъ, и дополняя

всѣ эти выписки своими бѣглыми мыслями, вспышками дѣвичьяго сердца и отрывками мечтаній, сновъ, гаданій и темныхъ желаній. Кончивъ литературныя занятія, онѣ, съ толстымъ, подъ-мышкой, словаремъ или пѣсенникомъ, отправляются, сперва въ садъ — отвѣдать запрещенныхъ плодовъ, потомъ въ огородъ — покушать съ грядокъ огурчиковъ и моркови, наконецъ на ржаное поле — нарвать васильковъ. На обратномъ пути, черезъ лугъ и рощу, словарь и пѣсенникъ украсили свои листы разными листочками съ деревьевъ, узорчатыми травками и незатѣйливыми цвѣтками. Иногда прогулка направляется къ ручейку, къ овражкамъ и болотистымъ луговинамъ на богатую жатву незабудокъ и pensées — Иванъ-да Марья. Подъ часъ знойное солнце загоняетъ гуляльщицъ на скотный дворъ, гдѣ сметана или творогъ съ цѣльнымъ молокомъ освѣжаетъ утомленные члены и сердца, сильно бившіеся, при гаданьи, по дорогѣ, на вѣщихъ цвѣтахъ, такъ щедро разсыпанныхъ природою по полямъ — на муку и сладость любопытнымъ дочькамъ любопытной Евы. Чуть дѣвственные пальчики коснутся бѣлыхъ листочковъ вѣщаго цвѣтка — и эти бѣлые листочки, отдѣляясь отъ желтой головки стебелька, запоютъ оракуломъ вѣщія слова: il m'aime.... un peu.... beaucoup.... passionement.... point du tout.... Какая это ужасная ворожба: *онъ любитъ* — да какъ? *чуть-чуть*... все равно, что ничуть; *очень любитъ*—на долго ли?... *стра-*

стно — страшно : страстные люди , большею частью, невыносимо — взыскательны, вспыльчивы, ревнивы, мстительны, злопамятны, упрямы, однимъ словомъ: неугомонны Сколько же каждый звукъ вѣщихъ листочковъ долженъ родить въ умѣ гадальщицъ жаркихъ, животрепещущихъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ! не говорю ужь о убійственномъ отвѣтѣ: не любитъ... нисколько... ни даже — чуть-чуть; это — послѣдній приговоръ судьбы страдалицѣ. Только ворожба на Святкахъ можетъ иногда успокоить разочарованное сердце; а между Святками и зловѣщимъ желто-бѣлымъ цвѣткомъ оно не живетъ, не надѣется, не мечтаетъ, не гадаетъ.

Покуда сестрицы, такъ невинно, такъ по дѣвичьи проводятъ золотое время юности, вплоть до разумнаго времени замужства, братцы ихъ, отъ 14 до 9 лѣтъ, и ниже и выше, въ досужные часы отъ чтенія, или уроковъ, упражняются, смотря по смыслу, по силамъ и по возрасту, съ подростками изъ многолюдной дворни (четвертая или пятая часть всего населенія), съ мальчишками и дѣвчонками, сбѣгающимися, отъ нечего дѣлать, на барскій дворъ, позабавить молодыхъ господъ гимнастикой — *тѣлоутружденіе, членоупражненіе, силоразвитіе*... смѣйтесь, а я люблю переводить иностранныя слова и увѣренъ, что это всегда возможно — стоитъ только хорошенько подумать: всякая вещь, всякое дѣйствіе, все отвлеченное—

единожды вещь приспособлена къ свойственному употребленію, дѣйствіе перенято, мысль понята— непремѣнно можетъ и должно быть выражено на нашемъ богатомъ, могучемъ, гибкомъ, разумномъ языкѣ; иначе: мы попугаи и обезьяны, — повторяемъ слова, какъ звуки, безъ смысла; а дѣйствуемъ, безсознательно, передразниваемъ. Даже научныя (техническія) выраженья т. е. выраженья, собственно принадлежащія тѣмъ или другимъ наукамъ, искусствамъ и ремесламъ, и тѣ, всѣ могутъ быть переведены, или объяснены, или наконецъ замѣнены Русскимъ словомъ. Нѣтъ, разумѣется, надобности изгонять всѣ иностранныя слова, безъ изключенья; многія, за давностью, получили право гражданства, какъ и переселенцы (Колонисты) изъ разныхъ краевъ. Однако же переселенцы, въ продолженіе времени, большею частью, не только отстаютъ отъ своего языка, а даже нравами, повѣрьями, привычками и т. д. перерождаются въ туземныхъ обитателей — напримѣръ: Нѣжинскіе Греки, Булгары, мѣстами, даже Нѣмцы теперь — чисто-на чисто Малороссы. А Варяги-то, или Норманны — куда дѣлись? Языки, какъ народы: чуждые въ нихъ притоки неизбѣжны — лишь бы пришельцы не употребили во зло гостепріимство. Языкъ — главнѣйшая стихія народности: у насъ онъ хранитель ученія Церкви православной, преданій древности, уроковъ доблести, всей Русской жизни, съ ея нравами, обычаями, умомъ — разумомъ!

въ немъ сила, въ немъ гордость, въ немъ слава народная!... Какъ же можно искажать его, не только словами иностранными, но даже оборотами, выраженьями, цѣлою рѣчью, далеко не Русскою, не Славянскою, не церковною?.. Возвращаюсь къ *силоразвитію*, *членоупражненію*, *тѣлоутружденію*,—вотъ три слова на одно.—Найдутся также у насъ слова и на вещи, предметы, открытія, отвлеченности, (абстрактивы), искусства, ремесла и все проч. хоть бы не у насъ изобрѣтенное и выдуманное: паровозъ, пароходъ, парагонъ (вагонъ), былина (фактъ), просадь (аллея), читалище (библіотека), воздушный шаръ, корабль, пушка, порохъ, свѣтопись (дагеротипъ), миловидность, прелесть (граціозность, грація), простодушіе, (наивность), трунить, гулять, подшучивать, (мистифировать), успѣхъ, преуспѣяніе, преуспѣваніе, развитіе, постепенность, послѣдовательность (прогресъ, во всѣхъ значеньяхъ), заключенье, выводъ, послѣдствіе (результатъ), лакомка, обжора, объѣдала (гастрономъ, въ разныхъ приложеніяхъ), причуды, прихоть, привередничество, затѣи, (капризъ, въ какомъ угодно смыслѣ), неожиданность, нечаянность (сюрпризъ)... Но довольно; можно огромный словарь составить, если вспомнить всѣ слова, выраженія и обороты, такъ легко, такъ опредѣлительно рисующія и объясняющія въ Русской рѣчи и вещи, и предметы, и мысли, и чувства — откуда бы ихъ ни занесло на Русь. . Пойду опять къ дѣтямъ. (Свай-

ка, бабки, мячи, чехарда, горѣлки, пускапье бумажнаго змѣя подъ облака, гонка голубей съ голубятни, ястребиная охота, ныряпье въ водѣ, все это удивительно-какъ развиваетъ въ играющихъ понятія общечеловѣческія (гуманныя): о силѣ, ловкости, быстротѣ, искусствѣ, сметливости, красотѣ, смѣлости и т. д. Между тѣмъ сверстники, высокіе и малые, подрастая, связываются привычкою и безотчетною, христіанскою любовью — и наконецъ, товарищи дѣтства и отрочества, ставъ въ зрѣломъ возрастѣ на крайнихъ ступеняхъ лѣстницы породъ и званій, постепенно — одни спускаются, другіе поднимаются, заслугами и признательностью, и нечувствительно сходятся на серединѣ—и господа становятся отцами, а слуги домочадцами.

Въ деревнѣ случается порой, что и старый баринъ съ пожилою барыней, какъ дѣти, веселятся въ кругу своихъ вѣрныхъ челядинцевъ: созовутъ въ столовую горничныхъ, молодыхъ и старыхъ, да запѣвалъ и бойкихъ плясуновъ изъ дворовыхъ — и пошла потѣха: и пѣсни и пляски—что твои цыгане!.. старая барыня съ участіемъ слѣдитъ за всѣми движеньями и прыжками сельскихъ Дюпоровъ, за толкотней толпы въ кругахъ и за пляской на-выходъ доморощенныхъ Фанни и Тальони. Самъ старый баринъ, приплясывая, разумѣется, на одномъ, своемъ барскомъ мѣстѣ, у открытаго окна, или прислонясь къ ломберно-

му столу, или за спинкой Вольтеровыхъ креслъ, на которыхъ сидитъ барыня, мало по малу начинаетъ подтягивать — ай! во лузяхъ!... во-полѣ береза стояла... воръ воробей... потомъ рѣшительно примыкаетъ къ хору и напослѣдокъ совершенно слагаетъ съ себя все величіе домовладыки, утопая въ весельи, какъ сыръ въ маслѣ!... тутъ ужь, понимается, и братцы съ сестрицами пустились въ другой горницѣ, кто Русскую, кто цыганскую, кто съ шалью, кто просто вальсъ.

Въ благодатную пору лѣснаго лакомства и барченки съ барышнями, и гувернеръ съ мадамой, и нянюшки съ горничными пуще всего любятъ ходить по ягоды, по орѣшки, по грибы. Особенно по грибы; рѣдкая изъ молодыхъ и бойкихъ дѣвушекъ не принесетъ домой кузовка подъ-орѣшниковъ или подъ-березниковъ, конечно, не безъ пособія молодыхъ господъ, которые, безпечно щелкая орѣхи, кладутъ грибки въ ихъ кузовки. Только гувернеръ, помня свое заморское происхожденіе, не пособляетъ дѣвушкамъ, а ищетъ отъ зноя прохладной тѣни, съ книжкою въ рукахъ и подъ ручку съ мадамой. Гуляя и разсуждая о воспитаніи, они не забываютъ своихъ священныхъ обязанностей къ дѣтямъ — и непрестанно прислушиваются къ ихъ голосамъ.

Иногда удовольствіе сухопутныхъ прогулокъ замѣняется плаваньемъ въ шлюбкѣ по прудамъ, съ пѣсенниками или роговою музыкою. Кто сла-

галъ эти пѣсни: и слова и напѣвы? два имя покуда дошли до насъ: Ванька Каинъ и Стенька Разинъ. Послѣ ихъ многіе, не изъ разбойниковъ, также слагали пѣсни очень удачно; а кто же сочинители до-разбойничьихъ пѣсенъ?... ужь, конечно, не Варяги — приморскіе разбойники: саги — не пѣсня, какъ сказка — не исторія. Такъ, или почти такъ заняты въ деревнѣ и батюшка и матушка и братцы и сестрицы, съ утра до вечера. Въ эту же пору вся семья сбирается въ одну горницу, освѣщаемую двумя макаными свѣчами—и тутъ, при блескахъ и трескахъ, то ярко вспыхивающихъ, то тускло нагарающихъ свѣтиленъ, озаряется картина семейнаго, патріархальнаго, *родоваго быта:* старый баринъ играетъ съ гувернеромъ въ шашки; старая барыня внимательно вяжетъ чулокъ или колпакъ; старшія дочьки разсѣянно вяжутъ шелковые снурочки на рагулькахъ, или шерстяныя косынки на предлинныхъ прутахъ, разговаривая о сосѣдкахъ и сосѣдяхъ, бывшихъ, или еще не бывшихъ у нихъ въ гостяхъ; старшіе сынки разсуждаютъ объ ожидающей ихъ службѣ отечеству, вникаютъ въ разсказы отца о быломъ на бѣломъ свѣтѣ, понимаютъ сердцемъ нѣсколько полусловъ заботливо-тревожной о ихъ будущности матери, изрѣдка намекаютъ о будущности сестрицъ, значительно съ ними перемигиваясь, и снимаютъ щипцами нагорѣвшія свѣтильни съ толстыхъ свѣчей; а мадамъ, что-то презанимательное чи-

таетъ про себя: вѣроятно, или новую Элоизу, Руссо—разглашателя, или посланіе старой Элоизы къ Абеларду, Сладострастника-Колардо,—чтеніе, по тогдашнему, нѣсколько щекотливое; а по новому воззрѣнію, очень нравственное; теперь смѣло бы можно сочетать обѣихъ Элоизъ съ извѣстнымъ Шевалье Фоблазомъ, даромъ-что и старики читали этотъ романъ со стыдомъ по поламъ; да и пустить бы ихъ, въ сопровожденіи Поль-де-Кока, стыдить, усовѣщивать и обращать на путь истины новѣйшихъ героевъ и героинь Евгенія Сю, Жоржъ Занда, Сулье, Дюма, Гюго, частью, даже Бальзака, и многихъ, многихъ писателей, которыхъ у насъ читаютъ, не краснѣя, и въ безстыдныхъ подлинникахъ и въ варварскихъ переводахъ, гдѣ, на половину Французскихъ словъ и выраженій напечатано Русскими буквами, а тамъ понимай, какъ знаешь! и кто же читаетъ эти порожденія *грязи*, *скверны* и *нота* (Souillé и Su), съ достойными ихъ союзниками по произведеніямъ и по переложеніямъ Французскихъ буквъ на Русскія? — молодыя женщины, иногда и дѣвицы высшаго общества!... придалъ бы я этимъ сочинителямъ и переводчикамъ всякихъ мерзостей въ прозвище имена *Сулье и Сю*, по точному ихъ смыслу въ переводѣ: М. П — Сю, Л. Л-Сулье, Н. С-Кокъ и т. д. И такъ мадамъ занята назидательнымъ чтеніемъ. Дѣти, между тѣмъ, играютъ въ сосѣднихъ покояхъ въ гулючки, стукаются лбами о столы и стулья, шумятъ,

окликаются, замолкаютъ, опять шумятъ и кричатъ, опять стихаютъ и напослѣдокъ, по угламъ и по стѣнкамъ, кто сидя, кто стоя, покачиваясь и тараща по временамъ глазенки, дремлютъ въ ожиданіи ужина. Вотъ шашки и рукодѣлья покинуты; братцы и сестрицы, какъ маятники, слоняются взадъ и впередъ по всѣмъ комнатамъ, отъ диванной, гдѣ горятъ двѣ свѣчи, черезъ большую и малую гостиную, гдѣ не горитъ и ночника, до столовой, гдѣ скоро кукушка пробьетъ девять часовъ, гдѣ столъ ужь накрытъ, гдѣ свѣтитъ изъ буфета огарокъ, гдѣ раздаются музыкальныя храпѣнья, свисты, скрежетъ, взвизгиванія, вздохи и т. п. звуки вѣрныхъ слугъ изъ передней и добрыхъ служанокъ изъ задней, черезъ длинный переходъ, горницы. Мусье и мадамъ разгуливаютъ своимъ чередомъ по столовой, вспоминая, каждый, о своей родинѣ и поглядывая на кукушку. Батюшка и матушка раскладываютъ *гранпасіансы*, потомъ мечутъ *ранконтръ*, пошучивая *о первой встрѣчѣ* своей въ молодости, въ заключеніе пытаются пытать *симпатію* — и пресимпатически, съ полнымъ сочувствіемъ, очень дружно и звучно начинаютъ зѣвать, зѣвать—и колокольчикъ зазвенѣлъ и вожделѣнное слово прогремѣло въ устахъ домовладыки: «ужинать!»

Таково обыкновенное, будничное теченіе времени въ деревнѣ, кромѣ субботъ: тутъ Русская баня — родоначальница всѣхъ возможныхъ купаній, погруженій, вспрыскиваній, орошеній, моче-

ній Присница, въ купальняхъ, брызгушкахъ (дождевой душъ), и въ простыняхъ, измѣняетъ весь порядокъ въ домѣ; баня—предметъ разговоровъ, источникъ дѣятельности, цѣль желаній; истопницы приглашаютъ дѣвушекъ опарить баню — визгъ, хохотъ, плесканье, говоръ; идутъ господа, сперва мужчины, по очереди, потомъ барыня и барышни; каждый и каждая порядочно понѣжатся, послѣ омовенья или паренья, въ нероскошномъ передбанникѣ; за ними *верхніе* люди, напослѣдокъ—вся *нижняя* изъ людскихъ дворня. Тутъ ужь только и слышно: «поддавай! поддавай!...» Паръ глаза ѣстъ, вѣники свистятъ, а Русскій народецъ все кричитъ себѣ: поддавай! поддавай, не бойсь!

Впрочемъ это, безмятежное, непорочное, здоровое однообразіе сельскаго быта не рѣдко нарушается: 1) наѣздами, набѣгами и нашествіями кочующихъ изъ гостей въ гости сосѣдей и сосѣдокъ въ нѣсколькихъ рыдванахъ, съ ордою людей, дѣтей и дѣвокъ, съ табунами лошадей, со стаями мосекъ и шавокъ—и всѣхъ ихъ, разумѣется, угости, накорми, напой, упокой!... 2) Стеченіемъ изъ окрестностей народа въ храмовые праздники. Тутъ обѣдня, молебны, крестный ходъ; потомъ угощенье на барскомъ дворѣ: брага, хмѣльной медъ, калачи, баранки, золотые пѣтушки, сусальныя бабы, Цареградскіе стручки, орѣхи; напослѣдокъ, качели, коньки, удальство, волокитство, хороводы, заплетися плетень, лихая

пляска, подъ пьяную руку, заливныя пѣсни въ полпьяна, поцѣлуи, споры, схватки, мировая за ковшомъ цѣловальника. 3) Выѣздомъ господъ въ поле къ открытію посѣва, при чемъ они бросаютъ зерна больше на себя, чѣмъ на пашню, по очень извинительной неловкости въ этомъ, не обычномъ для нихъ дѣлѣ. 4) Началомъ и заключеніемъ сѣнокоса, предшествуемаго и кончаемаго пѣснями, какъ и всѣ сельскія работы. 5) Приносомъ огромнаго снопа передъ барскій домъ, нарядными крестьянскими дѣвицами, при громогласномъ пѣньи молодыхъ и старыхъ бабъ—и бочка пива катится въ народъ. 6) Путешествіемъ, въ свой чередъ, помѣщика и помѣщицы съ дѣтьми, съ болонками и съ прислугою, по ближнимъ и дальнимъ сосѣдямъ, при свиданіи съ которыми предложены и разрѣшены всѣ первой важности современные вопросы: о всходахъ, объ умолотѣ, о погодѣ, о рекрутскомъ наборѣ, о женихахъ и невѣстахъ, о Капитанъ-Исправникѣ и приходскихъ попахъ. 7) Охотою: лѣтомъ — отдѣльно, не людно, съ выборомъ ближайшихъ мѣстъ, съ бережью, чтобъ не помять хлѣбовъ и травъ; осенью — съ сосѣдями, подальше, въ отъѣзжее поле, на нѣсколько дней; зимою — по пороши. Съ ружьемъ и лягавыми тогда еще мало таскались по лѣсамъ и болотамъ. За дичью, къ столу, ходили коїкакіе стрѣлки, по наряду.

Охота напоминаетъ что-то воинственное: и всадники и воеводы одѣты и вооружены, сообраз-

но званію, значенію и должности; шаровары или рейтузы сверхъ сапоговъ, куртки, чекмени, венгерки, казакины съ потранташами, картузы, шляпы, шапочки, колпаки, ермолки, турецкіе въ серебряной обдѣлкѣ кинжалы, съ чернью, съ цвѣтными камнями, охотничьи ножи въ рябой, ослиной кожѣ, съ костяными рукоятками, Тульскіе и Турецкіе пистолеты, арапники и хлыстики, свистки и духовые рога.

Передовой отрядъ составляютъ псари, которые ведутъ гончихъ на смычкахъ. Главное войско — ловчіе, съ борзыми, всѣхъ породъ, статей, наклонностей, достоинствъ, добродѣтелей. Однѣ — чудо въ открытомъ полѣ: сильны, смѣлы, увертливы, хитры, терпѣливы! другія — прелесть накороткѣ: легки, бойки, горячи, неистовы!... Я впрочемъ не берусь подробно описывать происхожденіе, названія, поколѣнія, переселенія, отличительныя черты крови и нравовъ, обликъ, стать, ростъ, глаза, морды, ноги, хвосты, уши — особенно уши этихъ четвероногихъ спутниковъ двуногаго человѣчества, столь разнообразныхъ, разнохарактерныхъ, разнородныхъ, смотря по народамъ, съ которыми родились, водились и переселялись, смотря по породѣ, духу, силѣ, образованности, развитію самихъ народовъ, домосѣдствующихъ и путешествующихъ, смотря по климатамъ и мѣстностямъ — отъ первой собаки до варварскаго, возмутительнаго, безчеловѣч.... безсобачнаго, мизопесьяго обычая безжалостныхъ

охотниковъ сгонять домой собакъ арапниками, если онѣ, бѣдняжки, не спросясь, отправятся на гулянье, на свиданье, или на поединокъ, при вѣтренности Фиделькн, при лукавствѣ Кастора, при невѣжливости Милорда и т. п. Филопесы или кинофилы, желающіе тѣснѣе сознакомиться съ этими неизмѣнными друзьями и усердными сподвижниками человѣчества, хотя и они, подъ-часъ, бѣсятся, какъ люди, могутъ прочесть въ Москвитянинѣ нынѣшняго 1845 г. прекрасную, презанимательную и преназидательную статью одного изъ извѣстныхъ, изъ лучшихъ и изъ лѣнивѣйшихъ у насъ писателей, даромъ-что ему дались и стихи и проза.... За борзыми тянутся охотники-господа на дрожкахъ, въ одноколкахъ и коляскахъ; за ними подвигаются линейки съ барынями и барышнями; около ихъ красуется молодежъ на пресмирныхъ, мелкихъ, доморощенныхъ иноходцахъ, или на пѣгихъ, сивыхъ и буланыхъ россинантахъ, выслужившихъ всѣ сроки, съѣвшихъ всѣ зубы и перебывавшихъ и подъ охотниками и подъ дугой, и у дышла и у сохи. Но каковы бы ни были лошади и ѣздоки: и трястись рысью и скакать съ размаху, какъ на качеляхъ, не опасно—сѣдла, словно кресла, мягкія, глубокія, не хуже казацкихъ, съ передкомъ и спинкой. Это главный штабъ. Далѣе—запасное войско: стремянные ведутъ господскихъ лошадей и на сворахъ отличнѣйшихъ изъ борзыхъ. Наконецъ—обозъ, съ палатками, съѣстными припаса-

ми, напитками, таганами, кострюлями, сковородами и всякою всячиною.... Вотъ достигли мѣста дѣйствія. Гончія пущены съ разныхъ точекъ въ лѣсъ. Псари трубятъ, порскаютъ и хлопаютъ арапниками. Собаки визжатъ, лаютъ, бѣгаютъ, нюхаютъ, вдругъ зальются, вдругъ замолкнутъ, вдругъ затянутъ всѣми стаями такую пѣсню, напавъ на слѣдъ зайца, волка, или лисицы, что лѣсъ дрожитъ, въ ушахъ трещитъ. По опушкѣ лѣса ловчіе выжидаютъ звѣря или звѣрка, чтобъ проводить его дальше, на поляну, гдѣ нетерпѣливо высматриваютъ желаннаго гостя стремянные—и вотъ добыча направлена прямёхонько на господъ.... ату его!...

Читая Вальтеръ-Скотта, я много замѣчалъ сходства въ образѣ жизни нашихъ прадѣдовъ съ обычаями Шотландцевъ и Англичанъ: и длинные обѣды, и попойки, и кулачные бои, и соколья или ястребиная охота, и псовые полки, и скачки, и бѣги, и заклады, и огромная дворня. Точно также я лично удостовѣрился въ сходствѣ съ Польками не одноплеменныхъ имъ Молдаванокъ и Волошановъ, въ очень многихъ отношеньяхъ, особенно же въ похвальной любви къ ближнему, всегда исполненной самоотверженія и сострадательности:

Давайте ближняго любить....
Съ сосѣдокъ добрыхъ начиная.

Точно также встрѣчается, ужь не сходство, а тождество—любовной кротости, смиренномудрія,

терпимости и зрѣломыслія въ учителяхъ Синагогъ и въ учителяхъ Философіи, отъ Спинозы до Гегеля..., Отъ чего бы это все такъ было?... Отъ чего бы также, напримѣръ, наши дѣдушки и бабушки меньше нашего учились, гораздо меньше читали и еще меньше писали; а жили, любили, вѣровали, служили и, особенно, умирали умнѣе, чѣмъ мы? Отъ чего бы семейный бытъ на Руси—и не очень еще давно—былъ крѣпокъ взаимной любовью всѣхъ членовъ семьи: старшіе любили и назидали младшихъ, младшіе любили и уважали старшихъ, равные другъ-друга любили и поддерживали связи родства и дружбы откровенностью и довѣріемъ. Отчего: въ-старину не знали пышныхъ словъ — мораль, филантропія, мистицизмъ, пауперизмъ, патріотизмъ, гуманность, и проч. туманность, а люди были нравственны, т. е. нравственны по обычаямъ и понятіямъ времени; были вообще благотворительны, человѣколюбивы, набожны, и всегда были готовы въ огонь и воду за отечество, за вѣру, за Царя, за правду, за честь Русскаго имени.... Отчего бы и теперь Христіанскія добродѣтели: страхъ Божій, любовь къ ближнему, смиреніе, терпѣніе, нищелюбіе, самоотверженіе, уцѣлѣли, безъ примѣси мудрованія, своекорыстія, хвастовства, лицемѣрія, честолюбія, въ простомъ народѣ больше, нежели въ образованныхъ.. . *Европейцахъ?*... Отчего бы.... нѣтъ! замолчу: боюсь кончить картины Русскаго въ-старину быта карикатурою

современности, въ которую, самъ не чувствуя, уже я впалъ своими вопросами: теперь вѣдь все обращается въ вопросъ, все разлагается, все разрѣшается, все—блесну современною ученостью — все нынче *анализъ* и *синтезъ! синтезъ и анализъ!* все *конкретное*—a priori, все *фактическое*—a posteriori, все *объективное* и *субъективное* въ *прогрессѣ критицизма* и *гуманности*—все подлежитъ *анализу* и *синтезу!*... Бѣдные, бѣдные дѣды и прадѣды, бабушки и прабабушки наши! вамъ не понять бы и словечка изъ нашихъ премудрыхъ и премудреныхъ рѣчей! о! какъ вы мелки, съ вашими, просточеловѣческими мыслями, думками, понятіями, передъ нашими исполинскими идеями, созерцательными думами, геніальными взглядами на жизнь, на міръ, на тварь, на будущность природы и человѣчества, но.... но вы не постигнете, пигмеи, насъ, промиѳеевъ-хищниковъ все пожирающаго огня.... только не съ неба.

Николай Сушковъ.